

УДК 304.2
ББК 60.55.2

В.А. Сулимов

ПОНИМАНИЕ МИРА: ЧЕЛОВЕК В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОСТИ*

Понимание мира есть один из основных актов воли современного человека. Он связан с интеллектуальными и моральными сторонами личности. Статья посвящена исследованию переменных аспектов реализации свободы воли. Свобода воли рассматривается как один из факторов социокультурной динамики. Ее реализация зависит от социального доминирования одного из способов реализации: воли к власти, воли к участию или воли к пониманию. Современная социокультурная эпоха (эпоха знания) требует от индивидуума преимущественной реализации «понимающей стратегии». Это приводит к трансформации черт современного человека-в-культуре в направлении усиления его интеллектуально-волевого начала.

Ключевые слова:

свобода воли, социокультурная динамика, стратегия понимания, человек-в-культуре.

Сулимов В.А. Понимание мира: человек в интеллектуальной культуре современности // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 2. – С. 3–7.

© Сулимов Владимир Александрович – доктор культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар; e-mail: vasulimov@mail.ru

Ситуация господства «культурных индустрий» в современном глобальном мире приводит к некоторым следствиям, показанным в классических работах М. Хорхаймера и Т. Адорно в 40–60-е годы XX века, главными из которых являются (а) утрата содержания (в том числе – и идеологического); (б) визуализацию бессмысленных рекламных картинок, замещающих идеологический нарратив и, в результате, (в) дегуманизация индивидуальности (в прошлом носителя личностных качеств) [8]. М. Хорхаймер и Т. Адорно видят в современной социокультурной ситуации признаки деструкции, фрагментации, «технологизации», стереотипизации некогда противоречивой, но целостной личности человека: «То, что личность человека отнюдь не цельна, стало очевидно еще с появлением шекспировского “Гамлета”. Сегодня, глядя на синтетические сфабрикованные лица, уже и не вспомнить, что понятие человеческой жизни когда-либо существовало» [8,

с. 81]. Через четверть века после написания можно констатировать только усиление названных тенденций, связанных с продолжающейся трансформацией персонологических характеристик человека.

Трансформация персонологических характеристик человека на протяжении длительного исторического периода (по крайней мере, трех столетий), продуцирована качественными изменениями в связанных между собой областях знания (научного, мифологического, повседневного) и деятельности (научной, производственной, коммуникативно-речевой, мыслительной, повседневной и др.). Глубинная трансформация индивидуального и социального сознания на рубеже тысячелетий, нарастающая сегодня в виде сетевых форм когнитивного взаимодействия, послужила прекращению взаимности, переходу к взрывным типам трансформации. «Хотящий», «волеющий», мотивированный человек, целенаправленная личность, кому

* Статья выполнена в рамках проекта № 17-13-11003 а/р РФФИ при финансовой поддержке РФФИ и Республики Коми.

4 | обычно историей приписываются успехи и достижения, представляет собой не только (и не столько) многоаспектную, но – разорванную осознающую субстанцию. Эта особая (субъектная) субстанция в силу разнонаправленности мотивационного, проективного и рефлексивного (самопроективного) векторов сознания не способна противостоять бифуркационным стремлениям *independently*, и потому наделена, по Ф. Ницше, главным объединительным качеством – свободой воли. Это мощное *аттракторное* качество (говоря в терминах синергетики) становится одним из интегративных факторов личности (наряду с интеллектуализмом и аксиологической детерминированностью) еще в прошлом веке, определив его многие позитивные и негативные черты. Ф. Ницше показывает обязательность качества свободы воли для преодоления тенденций психо-когнитивного распада, для примирения и последующей интеграции линейки человеческих Я: «Свобода воли» – вот слово для этого многообразного состояния удовольствия хотящего, который повелевает и в то же время сливается в одно существо с исполнителем, – который в качестве такового наслаждается совместно с ним торжеством над препятствиями, но втайне думает, будто в сущности это сама его воля побеждает препятствия. Таким образом, хотящий присоединяет к чувству удовольствия повелевающего еще чувства удовольствия исполняющих, успешно действующих орудий, служебных «под-воль» или под-душ, – ведь наше тело есть только общественный строй многих душ» [4, с.45]. Переживая движение по историческому времени как социальную и личностную драму, человек-в-культуре трансформирует (среди прочего) свое ощущение «свободы воли», да и свое социальное отношение к этому экзистенциальному феномену. *Воля властвовать* сменяется социальным устремлением к совершенствованию человеческого мира (*волей участвовать*) и, наконец, в последней трети XX века трансформируется в *волю понимать* (в рамках общего когнитивно ориентированного процесса транс-социализации). При этом очевидно, что все три типа реализации «свободы воли» присутствовали (и присутствуют) в процессе развития человеческого сообщества в течение длительного периода, доминируя на различных его этапах. Доминирование одного из типов реализации «свободы воли» производит трансформирующий эффект на других членов социально-культурной триады *свобода воли – когнитивные состояния (интеллектуализм) – система аксиологических*

констант, сказываясь на общем характере и результатах социокультурной динамики.

Доминирующий эффект, проявляющий себя в виде социокультурной динамики, проходит пиковые моменты наиболее эффективного овладения сознанием масс, что зримо дифференцирует культурные эпохи прошлого. Так, доиндустриальный период социокультурного развития испытал доминирование *воли к власти* (в том числе – политической и экономической), что достаточно точно описано Ф. Ницше; индустриальный период социокультурного развития показал массовое пристрастие к выражению социальной воли, протестантский вариант которой описан М. Вебером; наконец, постиндустриальный период приводит социум к массовому использованию знания в экономических и социокультурных целях и описано Мануэлем Кастельсом в терминах *информационной эпохи (эпохи знания)*. Доминирующий эффект достигается системой эффективных (для определенного периода социокультурного развития) социокультурных практик, позволяющих индивидуума осуществлять целенаправленную и результативную деятельность. В условиях постнеклассического развития мира (и=сознания) большую значимость приобретает механизм перманентной смены доминирующих акцентов или даже персонального выбора этих акцентов в ходе общего процесса деконструкции. Ж. Делез установил этот механизм как социокультурную ситуацию «утечек», которые в виде прорезей и «прорех» в стандартных и привычных параметрах мира, привычных («обычных») социокультурных практиках приводят культурное пространство в неравновесное состояние, «подталкивая» индивидуума путем смены привычного к социокультурному движению/детерриторизации: «Утечки – это примерно то же самое, что движения детерриторизации: они не предполагают никакого возвращения к природе, это пики детерриторизации в устройствах желания» [2, с. 38–39]. Утечки (когнитивные детерриторизации) обозначают путь движения воли к своему апофеозу: признанию новой сущности социокультурной эпохи, заключающемуся в (а) изменении системы идеологий; (б) изменении систем управления. Можно констатировать, что настоящее время в большинстве «развитых» стран мира продолжается апофеоз воли к социальному действию, свойственный индустриальной эпохе, а в ряде других стран все еще доминирует представление о «волении» как жажде идеологической, политической или экономической власти. Вместе с тем «утечек», свидетельствующих о переходе к

массовому типу постиндустриального сознания становится все больше*.

В период знаковой и коммуникативной революции современности ярче проявляются креативные, системопорождающие свойства человеческого интеллекта, его ведущая роль в общей системогенетике мира: «В контексте теории системного времени и пространства интеллект предстает как механизм управления системным временем через творчество, как будущее творение, и через творчество он увеличивает системное пространство бытия интеллекта» [6, с. 40].

Интересны и другие наблюдения в этой области. Особенно – связанные с чертами универсальной «игрока» социокультурной динамики – человека-в-культуре. Человек-в-культуре, описываемый в контексте социально-культурной деятельности и/или состояния (Макс Вебер, П.А. Сорокин, Т. Парсонс, М.С. Каган), порожденных стремлений к реализации воли (Ф. Ницше) и определивших основную европейскую динамику XX века, оказался в ситуации бифуркационного слома. Этот слом, свойственный ускоряющимся нелинейным системам (в том числе – культуре как целому), стал проявлять себя на фоне информационного взрыва в виде деструкции неравновесных систем (А. Назаретян), в зоне действия которой оказывается и человеческая личность (А.Г. Асмолов). Можно говорить о переходе системного сознания, основанного на базовом (традиционном, упорядоченном) тезаурусе и подкрепляемого устойчивой картиной мира, в сверхсистемное состояние сознания, уже включающее в себя возможности и предпосылки интеллектуальной деятельности вне зависимости от образовательной (понимающей) этапности. Воля к познанию и деятельности, столетиями стимулировавшая человеческое развитие в условиях культурных сообществ прошлого, превращается в апофоз воли – способность выйти за пределы существующего культурного сообщества в область моделирования новой социальности, нового тезауруса, нового культурного и языкового кода. Двойное кодирование языка-речи-сообщения (системно-языковое и, одновременно, культурно-ориентированное), известное из трудов Ф. де Соссюра, Н. Хомского или Л. Витгенштейна, преобразуется в тройное кодирование, где интегрированное рече-мыслительное действие выступает в виде «сразу»-текста, ориентированного на кластерные образования интеллектуального пространства культуры.

* Один из ярких примеров «нового» социального поведения – монстрации: тип демонстрации без политических лозунгов, который можно условно назвать когнитивной манифестацией.

Культура современности, основанная на расширяющемся и уплотняющемся интеллектуальном пространстве, требует все больших усилий по преодолению инертности форм сознания, овладению набором эффективных интеллектуальных практик и, в конце концов, – перестройки не только всей структуры индивидуально (и+социального) сознания, но и новых областей деятельности.

Можно выделить задачи такого развития человека:

(а) задачи формирования динамичного и бесконфликтного общества развития (взамен общества индустриального типа – общества потребления);

(б) задачи развития нового типа человека-в-культуре – универсального интерпретатора-исследователя или *человека познающего*;

(в) задачи развития нового способа массового освоения чувственной реальности – когнитивно-интеллектуального или интегрального (взамен сложившегося в эпоху Нового времени и Высокого Модерна конца 19 – начала 20 века персоналистического или структурно-семиотического);

(г) задачи формирования интегрированных кодов коммуникации, уже включающих исследовательские и проектные модели преобразования реальности, на ранних этапах обучения и самопознания личности.

Эти аспекты философско-культурологического осмысления нового облика человека-в-культуре имеют вполне ясный теоретический смысл и область своего практического применения.

В первой четверти XXI века становится все более ясным, что речь идет о быстро нарастающем и неумолимом феномене расширения сознания человека, включающего в свои *структуры понимания* все больше информационных единиц и целостных ресурсов, объединенных по функционально-сетевому и кластерному типу. Они могут обладать концентрической и/или полевой внутренней структурой, быть дискретными или дисперсными, иерархическими или распределенными. Это кажущееся смешение элементов, структур, тенденций и методов, тем не менее объединяется одной доминирующей тенденцией: интеллектуализацией пространства социального (и=индивидуального) бытия. Предугадывая этот тренд, П.Д. Успенский писал еще в 1911 году: «У человека рост сознания заключается в росте интеллекта и в сопутствующем ему росте высших эмоций: эстетической, религиозной, моральной – которые по мере своего роста все более и более интеллектуализируются, причем одновременно с этим одновремен-

6 | но с этим интеллект проникается эмоциональностью, перестает быть «холодным». Таким образом, духовность есть слияние интеллекта с высшими эмоциями. Интеллект одухотворяется от эмоций; эмоции одухотворяются от интеллекта» [7, с.150].

Описанный П.Д. Успенским «рост» или, точнее, расширение сознания представляет собой расширение *программ деятельности*, включающих также цели, средства и единицы деятельности, за счет переноса целей приложения деятельности (программ или образов будущего) [5, с. 94–95] с предметных на виртуальные (интеллектуальные, ассоциативно-образные, комбинированные), а модельных практик с предметных (вещных) моделей и систем на виртуальные (в т.ч. – принципиально непредставимые и слабо воспроизводимые) инсайтные практики. Разнонаправленность и внутренняя «неорганичность» этих практик, выросших из абстрагированных научно-теоретических систем и логических высказываний высокого уровня абстракции («приземленная в сферы деятельности), тем более – их отсутствие, способны разорвать индивидуальное сознание, неспособное усвоить и понять ризоматический калейдоскоп современности. Необходимое для выстраивания области образования единства *я-мира* (в вариантах «себя-в-мире» и «мира-в-себе») способно обеспечить обновляемые, но исторически обусловленные духовные сущности – мировоззренческие универсалии, позволяющие выстроить некоторую условную матрицу *я-вещей* и *я-идей* (в искомых вариантах «себя-в-мире» и «мира-в-себе»). В.С. Степин определяет понятие мировоззренческих универсалий следующим образом: «Мировоззренческие универсалии – это категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» [5, с.108]. Мировоззренческие универсалии, будучи духовными сущностями, возвращают разорванному современным информационно перенасыщенным пространством индивидуальному сознанию единый осмысленный ракурс, прекращая действие следующих негативных факторов:

А) *фактора информационной глобальности* (за счет включения фильтра национально ориентированной культуры или семиосферы по Ю.М. Лотману);

Б) *фактора логико-когнитивной противоречивости* знаниевых блоков и когнитивно-семиотических сред их существования (за счет включения механизмов «больших

культурных ассоциаций», абдуктивно-дискурсивных сред и инсайта);

В) *фактора социально-культурной дезориентации* деятельности и амбивалентности поведения (за счет включения универсальных аксиологических рамок).

Мировоззренческая платформа образования, состоящая, по сути дела, из интегрированных текстовых фрагментов и ментальных схем их обобщения, имеет тенденцию к смысловому структурированию в виде индивидуальной картины мира, а потому становится обязательным элементом образования. Образование человека, повторяя исторические пути формирования современной культуры, дает человеку ресурс, когнитивную волю для *преодоления* инертности и разрывности человеческого существа как феномена природного мира. Стремясь «к чистому существованию» под влиянием, а то и наравне с Божественным Духом, человек подвергается физическому и ментальному разрушению, морально-нравственной и когнитивной деструкции тем более, чем перестает стремиться к внутреннему преобразению (преодолению), перестает тратить свой нервно-энергетический ресурс. Человек как бы пытается обосновать себя самого в качестве *истинностного бытия* и тем самым вступает на опасный путь когнитивного распада: «Пытаясь обосновать себя в качестве бытия, а не «ничто», человек уничтожил бы себя как человека, как свободу. Но достоинство человека в том, что ему ничто не дано в полной мере и всего нужно добиваться, прорываясь, надрывая душу, мучаясь, страдая» [1, с.116]. Человек, представляя собой не только «человека в пути», но «человека карабкающегося» вверх по социально-культурной вертикали, все время стоит перед дилеммой: «включать» систему собственного преобразования, связанную с преодолением инертного течения самобытия «к смерти» и потому чрезвычайно затратную энергетически или отдаваться ходу времени, диктующему энергетически незатратную директорию само-не-обоснования. Эта альтернатива (по смыслу нравственного выбора: духовное само-строительство / духовное не-само-строительство настолько судьбоносна для человека, что стало одной из главных тем Священного Писания. В Евангелии от Луки сказано: «Ученик не бывает выше своего учителя, но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его» (Лук. 6,40). Само-обоснование и/или само-усовершенствование в попытке *тотального преодоления* (невозможное, по нашему убеждению, вне личностного (и=когнитивного) влияния учителя-наставника) родовой недостаточности человека, выраженной в его

энтропии ситуативного рассеивания и вечной незавершенности есть постижение Духа в его индивидуальном и социально-культурном исчислении. Именно антиэнтропийная деятельность культуры как гиперфеномена человеческой социальности делает возможным преодоление *роковой недостаточности* человека: «...человек является недостаточностью, онтологическим источником любой недостаточности, незавершенности, которую можно обнаружить в мире. Человек – это непрерывное преодоление любой формы существования, незавершенная распадающаяся тотальность и отрицание конкретного бытия, невозможность совпасть или отождествить себя с какой-либо реальностью, это непрерывно рассеивающаяся структура» [1, с. 117].

Движение по пути самоусовершенствования, обязательно подкрепленное участием в образовательном процессе, есть сочетание нескольких факторов

- 1) реакция на понимание (иногда – простое ощущение) своей недостаточности;
- 2) стремление к преодолению как к проявлению внутренней свободы (свободы воли);
- 3) акт духовного само-строительства как возможность избежать тотальности гибели и разрушения.

В этом понимании образование (в том числе образование в науке и искусстве) является наиболее существенным феноменом культуры, определяющим онтологически обусловленное место индивидуума в структуре Космоса, а не набор принципов и постулатов гносеологического характера. Современное образование (как и магические и мифологические системы прошлого) имеет собственно культурный, а потому – не только трансцендентный, но и сакральный смысл. Можно говорить об образовании как глобальной социокультурной практике обязательного (или=желательного) самопознания человека-в-культуре: главным условием его становления.

Поэтому «предметность» образования, как и его «межпредметность» становится

несущественным фактором, всецело зависящим от социальной и/или индивидуальной картины мира, доминирующих в определенном социально-культурный период развития человека и общества. Знание «не работает» как набор устойчивых истин и постулатов, оно представляет собой точку соприкосновения виртуальной реальности сознания (в виде картины мира) и виртуальности предметного текста как особого текста культуры. Мераб Мамардашвили по этому поводу писал: «при анализе отношения «предмет-знание» необходимо учитывать, что в предмете есть особое, общественной историей науки закрепляемое содержание деятельности мысли, которое функционирует и разрабатывается внутри самой науки, и именно оно, а не безразличный к деятельности объект пассивного восприятия, направляет строй мысли в процессах получения нового знания» [3, с. 22]. Когнитивное действие, направленное на самое себя, «знание для понимания», т.е. без ясной прагматической цели, является формой реализации апофеоза воли как ценностного само по себе желания понимать всю сложность мира-в-себе и себя-в-мире. Понимать, чтобы создать основания его (мира) новой креативизации – собственно человеческой.

Можно, таким образом, утверждать, что современная социокультурная эпоха (эпоха знания) требует от индивидуума преимущественной реализации «понимающей стратегии». Это приводит к трансформации черт современного человека-в-культуре в направлении усиления его интеллектуально-волевого начала. Система глобальных подходов в области образовательных практик следует за социокультурной динамикой личности и все более лидирующее положение занимает обновленная педагогическая стратегия, которая логично развивается из системно-деятельностной и даже когнитивной. По своим главным основаниям она может быть названа *интеллектуально-деятельностной*, интегрирующей («собирающей», концентрирующей) по отношению к субъекту системы образования, а, значит, и субъекту культуры.

Список литературы:

- [1] Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Человек в трех измерениях. – М.: РГГУ, 2010. – 321 с.
- [2] Делез Ж. Мая 68-го не было. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 96 с.
- [3] Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 288 с.
- [4] Ницше Ф. В. По ту сторону добра и зла. – М.: Эксмо, 2015. – 1008 с.
- [5] Степин В.С. Программирующие функции культуры в человеческой жизнедеятельности // Культурогенез и культурное наследие / Науч. ред. и сост. А.В. Бондарев. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. – С.91–121.
- [6] Субетто А.И. Системогенетическая парадигма теории времени и пространства. – СПб.: Астерион, 2016. – 60 с.
- [7] Успенский П.Д. Tertium organum: ключ к загадкам мира / Репринтное издание. – СПб.: Изд-во «Андреев и сыновья», 1992. – 241 с.
- [8] Хоркхаймер М., Адорно Т. Культурная индустрия: просвещение как способ обмана масс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 104 с.